

И. А. Скалан¹

ОБЩЕСТВЕННОЕ УЧАСТИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: НОВАЯ ЛОГИКА СТАРОГО МОБИЛИЗАЦИОННОГО ПРОЕКТА?²

Характер и перспективы развития любого современного общества, его векторы и динамика, определяются не только политическим режимом или состоянием экономики, но и особенностями общественного участия населения и его институциональной адекватностью современным социальным реалиям и процессам, согласованностью между собой трех его составляющих: готовности, способности и возможности участия как на макро-, так и на микроуровне.

Но является ли эта адекватность результирующей спонтанных процессов или направленной деятельности субъектов общества, позволяющей говорить о социальном управлении?

Значительный вклад в поиск ответов на данный вопрос был сделан в сфере институциональной и эволюционной экономики. Однако для анализа процессов участия перспективным представляется и проектный подход, преимущества которого видятся в возможности исследовать процесс участия как множественные, но сменяемые общественные проекты, реализуемые на макро-, мезо- и микроуровне.

Что же представляет собой проект? Оттолкнувшись от его понимания Ж.-П. Сартром³, Ю. Хабермасом⁴, З. Бауманом⁵ и П. Штомпкой⁶, проект можно определить как совокупность факторов, направленно влияющих на объект и проецирующих его в будущее, а также как пространство, в котором конструируется и осуществляется то или иное явление или процесс.

Важно учитывать, что общественное участие вариативно и проявляет себя в многообразии сфер и практик социального, гражданского и политического, включая электоральное, участия. Важную роль в этом игра-

ет само содержание категории «участие». Наделенное свойствами действия и принадлежности, участие бинарно по природе. Оно может проявляться в множественных и многообразных формах и практиках в диапазоне от действия без принадлежности (ситуативная спонтанная активность) до принадлежности без действия (причастность к группе). Однако приобретая общественный характер, участие может сохранять свои сущностные свойства только в случае осознанности и добровольности действий участвующих, в противном случае речь идет о квазиучастии.

Значимыми компонентами проекта являются следующие: *программа*, проявляющая себя через реализованные или нереализованные концепции и интенции (Ю. Хабермас); *субъекты*, с их ресурсами и способностью к координации деятельности и мобилизации (Ю. Хабермас, З. Бауман, Ж.-П. Сартр); социальное, культурное, структурное и физическое *пространство*, в котором разворачивается проект (З. Бауман); *дискурсы* — фоновое основание легитимации практик общественного участия, вбирающее в себя связанные с проектом смыслы (З. Бауман); *социальные практики* участия, корреспондирующие с программой и дискурсами проекта (Ю. Хабермас, З. Бауман, П. Штомпка, Ж.-П. Сартр).

Качественное разнообразие компонентов и среды их формирования позволяет говорить о *множественности проектов* (З. Бауман), реализуемых на всех уровнях общественных отношений под влиянием доминирующей макропрограммы проекта-традиции (проекта общественного развития) или периферийных программ (Ю. Хабермас). Как и все проекты, проекты общественного участия конечны и завершаются кризисами, а также перспективой построения новых программ участия, в том числе через модификацию старых.

Проекты одного временного периода влияют друг на друга через практики общественного участия, которые как структуры и социальные технологии инкорпорируются и в иные социокультурные пространства.

Историко-социологический и сравнительно-социологический анализы практик общественного участия показали, что устойчивость они приобрели только в эпоху модерна, а проектность — это свойство развитого индустриального общества, эпохи, названной З. Бауманом реалистическим модерном.

К крупнейшим можно отнести «советский» проект (1920–1980-е гг.) и проект участия США «государство всеобщего благоденствия» (конец 1940-х — начало 1970-х гг.), а также западный наднациональный проект (начало 1970-х — 1990-е гг.). Всем им свойственны признаки проекта, который З. Бауман назвал «протым»: формализация структур, мобилизационный характер, высокая включенность государства в модификацию общественного участия через прямое или опосредованное управление, определяемое не только

¹ Профессор кафедры социальной работы и социальной антропологии Новосибирского государственного технического университета, доктор социологических наук. Автор более 120 научных и научно-методических публикаций, в т. ч. монографий: «Общественное участие: теория и практика социального конструирования», «Реализация государственной национальной политики на муниципальном уровне» (в соавт.), «Управление региональными конфликтами в условиях цифровизации современного общества: методология и практики реализации» (в соавт.) и др.; статей: «Многообразие субъектов городского межэтнического сообщества», «Оборонительные сообщества в городских конфликтах. Становление концепции», «Инструменты анализа сообществ в городских конфликтах (На примере г. Новосибирска)», «Диаспоральное сообщество в городе: стратегии мобилизации» и др. Член Федерального учебно-методического объединения по психологическим наукам (отделение конфликтологии), Консультативного совета при губернаторе Новосибирской области по международным отношениям.

² Доклад подготовлен на основе диссертации: Скалан И. А. Общественное участие как социальный проект : дис. ... д-ра социол. наук. Новосибирск, 2017.

³ Сартр Ж.-П. Проблемы метода : пер. с фр. М. : Прогресс, 1993.

⁴ Хабермас Ю. Модерн — незавершенный проект / пер. с нем. А. Б. Григорьева // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 40–52.

⁵ Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Логос, 2005.

⁶ Штомпка П. Социология социальных изменений : пер. с англ. М. : Аспект Пресс, 1996.

политической доктриной, но и задачами социального и экономического реформирования.

Национальный проект участия в США был реакцией государства на рост послевоенной социальной апатии населения, которая рассматривалась как угроза демократии. Государство стало субъектом ограниченного управления участием наряду с местными сообществами и ассоциациями. Практиковалось вовлечение акторов в федеральные проекты и программы борьбы с бедностью через мобилизацию внутриобщинного потенциала. Кризис проекта проявился в кризисе программы «максимально возможного участия» середины 1960-х — начала 1970-х годов, когда существенные финансовые вливания в развитие бедных сообществ не привели к росту активности жителей, но стимулировали конфликтность и появление феномена «золотых гетто».

Западный наднациональный проект сформировался на национальных и наднациональном уровнях в развитых западных странах. В основе его программы лежала концепция общественного участия как инструмента социального управления. Субъектами проекта наряду с государством выступили структуры с высоким уровнем влияния и контроля: международные, национальные общественные объединения различного типа и общественные движения, международные финансовые институты. Превалировали дискурс социального развития, демократический, гражданский, секторальный дискурсы. Проекту были свойственны технологизация практик участия и их тиражирование в развивающиеся и посткоммунистические страны.

Проект показал, что нарастающие изменения общественной структуры способствуют нелинейному расширению территориального и социального пространства общественного участия, но ослабляют возможности государства по прямому управлению, влиянию и контролю и стимулируют появление новых общественных движений и сетевых моделей массовых протестов.

Советский проект принял характер государственно-мобилизационного, где позицию субъекта сохранило и усилило государство, выступив заказчиком, инициатором и организатором общественного участия. Программа, построенная на идеологическом обосновании социалистического метапроекта, проявлялась в дискурсах классовой борьбы и противостояния систем. Сращивание государственного, коллективного и частного обусловило структурную специфику пространств, в которых осуществлялась унификация и централизация практик общественного участия. Это привело к кризису проекта — потере способности к самокоррекции, рутинизации и бюрократизации структурного пространства, отделению участия от членства, ослаблению неформальных правил социального участия.

Важной особенностью советской и российской традиции, проявляющей себя и сегодня, служит избирательность конструируемых сфер и каналов общественного участия, что обеспечивается тремя пересекающимися государственными стратегиями его конституирования.

1. Участие поощряется в нормативно регламентированных общественных инициативах в «выделенном» государством пространстве, преимущественно в сфере социальной помощи и сервисной поддержки.

2. «Приглашение» или «принуждение» к участию в проектах, инициируемых или активно поддерживаемых государственными структурами.

3. Делегитимизация практик, не одобряемых государственными структурами в сферах политического и гражданского участия.

Кризис проектов выразился в сокращении активности в устойчивых общественных структурах, росте неформализованных и даже нелегитимных практик гражданского и политического участия, «выпадения из смысла» — реинтерпретации практик. Это стало следствием общих для всех проектов тенденций: универсализации структур участия, технократизации его механизмов, ритуализации процедур общественного участия, усилении критики проектов относительно распределения власти и контроля.

Под влиянием совокупности факторов (среди которых — глобализация, системные политические, социально-экономические, технико-технологические изменения) управляемое пространство общественного участия нелинейно сокращается, замещаясь преимущественно непрямым управлением, однако государство продолжает сохранять субъектные позиции в проекте, а также функции влияния и контроля. Изменение границ проекта и появление на его периферии новых общественных программ ведет к появлению новых акторов общественного участия, дифференциации программ и практик, в том числе и радикалистского толка. Эта множественность делает проект сложным.

Сложный проект обладает следующими признаками: параллельное существование новых и традиционных структур общественного участия; появление качественно новых, в том числе маргинализованных, акторов; диффузия дискурсов, размывание границ между видами общественного участия, приводящее к смешению их пространств; переход от коллективных и отложенных к индивидуальным и прямым формам гражданского и политического участия; усиление горизонтальных связей при сокращении анонимности участия.

Усиливается эрозия и ослабевают мобилизационные возможности государств «с инженерными претензиями», формируется понимание действительности как области самопроизвольных и слабо скоординированных процессов, делающих совместное общественное участие непродолжительным и неустойчивым. Оно проявляется скорее в коротких проектах солидарных действий, способствующих как разъединению, так и кооперации, в частности за счет открытия новых комьюнитиобразующих ресурсов слабых и неустойчивых сетей.

Сложность проекта усиливает противоречивость практик участия. Процессы общественного участия могут приобретать дисфункциональный характер, стимулируя пассивное участие населения (сообщество «зрителей») или эксклюзию отдельных социальных групп, закрытость или усиление конфликтности отдельных сообществ, активизацию их оборонительных

функций в условиях защиты своих интересов от навязанных инвестиционных или социальных проектов.

Непринятие со стороны государственных структур сложности как естественного свойства новой социальной реальности, наличия в пространствах общественного участия разных конкурирующих программ, параллельного существования структур и культур модерна и постмодерна, сохранение в массовом общественном сознании «старых», модернистских ценностей отражает противоречивость, «межпроектность» современного российского общественного участия. Длительное время сохраняется и популяризируется альтернатива строительству нового сложного постмодернистского проекта — возвращение к модифицированной версии старого модернистского проекта со свойственными ему стратегиями мобилизации.

Воспроизводимая в новых условиях логика старых модернистских проектов, ориентируемых на формализованные механизмы участия, закрепляет избирательность их пространств. Признаками возврата к про-

стому проекту служат и актуализация форм квазиучастия, к примеру «церемониального участия», и возврат к традиции неучастия как формы общественного участия и т. д.

Однако существующая специфика современного информационного, коммуникативного и деятельностного пространства ограничивает тотальное влияние государства на акторов общественного участия, сохраняя пространства, где формируются иные, качественно отличные культуры участия, к примеру новые городские движения. В попытке перехватить управление общественным участием и контроль за ним государство встает перед выбором. Можно либо «упростить проект», вернувшись к тотальному контролю за общественными процессами, тем самым «упростив» и их восприятие, и характер протекания за счет универсализации, ограничения множественности и гомогенизации во всех компонентах проекта, либо сконструировать новый, что потребует новых идей и программ.